

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь тихим, едва слышным потрескиванием искр в жаровне.

После недолгой беседы Пэй Чжао не сдержался и негромко закашлялся.

Нин Ли обеспокоенно взглянул на него. Облик хозяина дома оставался благородным и безмятежным, однако лицо казалось слишком бледным, лишенным здорового румянца.

— Похоже, твоя простуда всё не проходит, — тихо проговорил юноша. — Послушай, а ты пробовал абрикосовый чай, который я прислал?

Пэй Чжао кивнул.

— И как он тебе? — спросил Нин Ли.

— Мягкий и сладкий, очень недурно, — ответил Пэй Чжао.

Стоявший неподалеку Чжан Хэлинь изумленно приподнял брови. Надо же! А ведь в тот день Его Величество изволил заметить, что отвар чересчур приторен.

Нин Ли, разумеется, ни о чем не догадывался. Услышав такой ответ, он просиял, и на его щеках проступили очаровательные ямочки.

— Тогда я велю прислать еще! Я привез его из дома. Для этого отвара берут лучшие абрикосы Ли Гуана... Он отлично помогает от кашля.

\*\*\*

Пэй Чжао смутно почувствовал какую-то странность. Должно быть, из-за недавнего недуга мысли его текли немного медленнее обычного, и, хоть ощущение и возникло, он никак не мог понять, что именно его смущает.

Проводив юного гостя, улетевшего вместе со своим новым питомцем, Пэй Чжао остался один. В комнате вновь воцарился покой.

Малый сокол с белыми лапами ни на мгновение не замешкался: стоило Нин Ли подняться, как птица тут же последовала за ним, совершенно позабыв о прежнем хозяине, сидевшем за письменным столом. Она вела себя так, будто Пэй Чжао для нее никогда и не существовал.

Вернувшись после проводов, Чжан Хэлинь спросил:

— Владыка, этот сокол так и останется у молодого господина Нина?

Пэй Чжао, не выпуская из рук свиток, слегка кивнул.

— Раз уж им суждено было встретиться, пусть летит с ним.

«Он и сам не слишком заботился об этой птице, так почему бы не уступить ее?»

\*\*\*

Дни сменялись ночами. Хотя Пэй Чжао и восстанавливал силы в загородной усадьбе, все важнейшие столичные новости исправно доставляли к его столу.

— Торговый караван из Западного Фаня по-прежнему стоит на постоялом дворе за пределами городских стен. На первый взгляд, ничего подозрительного, — докладывал Сяо Цзюлин.

— Купцы из племени Тэле несколько дней разузнавали обстановку, но, поняв, что войти в город им не позволят, двинулись в обратный путь...

— Старый маркиз Ши подал прошение с требованием наказать наследного принца Нина. Он настаивает на строжайшей карательной мере...

Слушая размеренный доклад Сяо Цзюлина, Пэй Чжао сидел с закрытыми глазами. Первые сообщения не вызвали у него никакого отклика, однако при упоминании семейства Ши на его губах промелькнула холодная, лишенная тепла усмешка.

— Вот как? И в чём же его обвиняют?

— Ему вменяют три главных прегрешения, — ответил Сяо Цзюлин. — Своеволие и дерзость, высокомерие и непочтительность, а также чрезмерное расточительство.

Пэй Чжао коротко усмехнулся:

— Какая поразительная бесстыдность — осмелиться подать подобное прошение.

Стоило лишь ослабить запреты в городе, как люди Ши тут же поспешили отправить донос. Пэй Чжао до этого момента недоумевал, ради чего они посреди ночи прорывались сквозь городские заставы, а теперь разгадка сама легла ему на стол.

Неужели старый маркиз не знает, каков его собственный второй сын? Пусть даже молодой наследник Нин и проявил излишнюю заносчивость, но ведь именно Ши-эр первым полез на

рожон со своими провокациями. Разве из дурного бамбука вырастут благородные побеги?

Вся семейка одним миром мазана.

\*\*\*

Вспомнив об ином деле, он внезапно спросил:

— А что с тайным посланием Наследного принца Нина?

— Желает ли Ваше Величество взглянуть? — отозвался Сяо Цзюлин.

— Неси сюда, — распорядился Пэй Чжао.

Сяо Цзюлин тотчас преподнес деревянную шкатулку.

— В шкатулке лежали две веточки сливы, два свитка ткани и тайное письмо. Больше ничего, — пояснил он. — Полагаю, цветы служили лишь прикрытием, а самое важное скрывалось в самом послании.

Он передал письмо, восковая печать на котором уже была аккуратно растоплена особым способом.

На конверте красовались лишь четыре иероглифа: «Батюшке лично в руки».

При виде этих размашистых строк Пэй Чжао едва заметно нахмурился. Почерк был чересчур вольным, буквы едва держали форму. Так называть князя Нина мог только его единственный наследник. Почерк выдавал нрав писавшего, и Пэй Чжао невольно укрепился в своем не самом лучшем мнении о нем.

Однако стоило ему развернуть плотную, покрытую золотой пылью бумагу, как в глаза бросилась единственная поэтическая строка.

Строка, смысл которой он сам всего пару дней назад терпеливо и подробно разъяснял одному юноше.

Пальцы Пэй Чжао невольно сжались сильнее, сминая край листа.

— Как зовут Наследного принца Нина? — глухо спросил он.

Не понимая причин такой перемены, Сяо Цзюлин почтительно ответил:

— Его имя состоит из одного иероглифа — Ли.

Ниннин...

Нин Ли.

Так это был Нин Ли!

На мгновение Пэй Чжао замер в растерянности.

Теперь всё сходилось. Вот почему абрикосовый чай привезли из дома — ведь абрикосы Ли Гуана как раз растут в Шачжоу!

Вот почему он нашел того малого сокола — ведь повозки из поместья князя Нина в тот день проезжали именно по берегу реки Чушуй!

Повсюду были зацепки, а он умудрился их не заметить.

Впрочем, зацепками это можно назвать лишь при попытке обмана. Но у этого юноши были такие чистые, бесхитростные глаза, в которых отражалось всё его существо. Он без утайки назвал свое имя.

Просто его столичный выговор оставлял желать лучшего, и из-за этого недоразумения Пэй Чжао слышалось совсем другое.

\*\*\*

В комнате воцарилось тяжелое молчание. Владыка за столом хранил молчание, и стоявший перед ним Сяо Цзюлин не смел проронить ни слова.

Его Величество размышлял слишком долго. Неужели в этом послании действительно крылось нечто из ряда вон выходящее?

Прошло немало времени, прежде чем Пэй Чжао заговорил:

— Ты утверждаешь, что он во весь опор мчался на почтовую станцию лишь ради этой шкатулки?

— Именно так, — подтвердил Сяо Цзюлин.

Шкатулка лежала перед императором, но ее до сих пор никто не открывал. Пэй Чжао бросил короткий взгляд на слугу, и Чжан Хэлинь поспешно шагнул вперед, чтобы приподнять крышку.

Увидев то, что лежало внутри, Пэй Чжао изумленно замер.

В воздухе мгновенно разлился тонкий, едва уловимый аромат.

В шкатулке, бережно уложенная рядом с ветвью белоснежной сливы, покоилась ветвь алой мейхуа — яркая, точно пламя, с изящно изогнутыми побегами.

Та самая, которую незадолго до этого Пэй Чжао сорвал собственной рукой.

Вот только за долгие дни пути бутоны алой сливы успели распуститься во всей красе, тогда как белые цветы, расцветшие раньше, уже начинали осыпаться.

\*\*\*

Как всё могло обернуться подобным образом?

Пэй Чжао испытывал странную смесь замешательства и легкой досады. Он перевел взгляд на Сяо Цзюлина, прекрасно понимая, что глупо винить подчиненного за излишнюю бдительность и перехват этого семейного послания.

Наследный принц Нин гнал коня во весь опор, задействовал государственную срочную почту «Шестьсот ли»...

...и всё ради того, чтобы отправить веточку сливы и письмо.

\* «В Цзяннани нет иных даров, прими же веточку весны».\*

В тот самый день их первой встречи, разделенный с ним высокой глухой стеной, Пэй Чжао услышал чистые, искренние слова юноши. Сердце его тогда дрогнуло, и он тоже срезал цветущую ветвь, чтобы одарить незнакомца.

Они разошлись, так и не увидев лиц друг друга.

Кто же знал, что и те цветы, и это ответное письмо по нелепой случайности окажутся в его руках?

Пэй Чжао потер переносицу, чувствуя, как тупая боль начинает сдавливать виски.

То, что он считал хитроумным заговором, на деле оказалось бесхитростным юношеским порывом.

— Где золото? — внезапно спросил он.

Сяо Цзюлин тут же почтительно протянул парчовый ларец:

— Смотритель станции не успел потратить ни единой монеты, тайные стражи вовремя изъяли плату.

Действительно, целый ларец, доверху набитый золотом — и всё лишь ради того, чтобы доставить весточку за тысячи ли.

Когда крышку приподняли, яркий, теплый блеск золотых бусин едва не ослепил присутствующих.

Даже видя это богатство не в первый раз, Сяо Цзюлин невольно покачал головой:

— Слухи о немыслимом богатстве клана Нин из Шачжоу и впрямь не лгут. Наследный принц так легко разбрасывается золотом... Пожалуй, это слишком расточительно.

— Расточительно?

Сяо Цзюлин, уловив в голосе правителя холодные нотки, поспешил согласиться:

— Да, Ваше Величество. Сорить золотом ради такой глупости — сущая блажь.

Взгляд Пэй Чжао скользнул по пылающим алым лепесткам сливы. В конце концов он покачал головой:

— Нет. Он сделал это не от глупости. У него были на то причины.

Сяо Цзюлин растерялся, так и не сумев разгадать тайный смысл этих слов.

— Запечатай шкатулку, — распорядился Пэй Чжао. — Отправьте её в Шачжоу.

Сяо Цзюлин кивнул и уже протянул руку, чтобы забрать ларец, как вдруг Пэй Чжао добавил:

— Погоди.

В его голосе скользнуло редкое колебание.

Тонкий конверт остался в ладони императора, а деревянная шкатулка с увядающими цветами так и не покинула пределы покоев.

\*\*\*

Сяо Цзюлин ломал голову так и эдак, но ход мыслей Пэй Чжао оставался для него загадкой.

Заметив выходящего из покоев Чжан Хэлиня, он торопливо шагнул ему навстречу и вкрадчиво спросил:

— Евнух Чжан, что всё-таки у Его Величества на уме?

Целый ларец золота и срочная почта ради одной лишь весточки домой — чистейшей воды блажь избалованного столичного щеголя. Император всегда презирал подобные повадки знати, и Сяо Цзюлин привык к этой суровости. Однако сегодня владыка повел себя на редкость странно, обронив слова о каких-то причинах, словно оправдывая этот поступок.

Командир решительно не понимал: неужели император одобряет подобное?

Чжан Хэлинь бросил на него быстрый взгляд. По правде говоря, старый слуга и сам немало изумился, и у него даже появились определенные догадки. Но разве можно обсуждать мысли государя вслух?

— Командир Сяо, неужто вы дерзаете разгадывать священную волю? — прищурился Чжан Хэлинь.

Сяо Цзюлин мгновенно осекся.

Такое обвинение могло стоить головы, поэтому он торопливо замахал руками:

— Ну что вы, вовсе нет... Считайте, я ничего не спрашивал, евнух Чжан.

Стоя под черепичным навесом, Чжан Хэлинь смотрел вслед поспешно удаляющемуся воину и тихо усмехался про себя.

«Эх, командир Сяо... Возглавляет Стражу Прислуживания Небесам, в боевых искусствах ему нет равных, а вот ума да проницательности явно недостает. Куда ему до предводителя Стражи

Воинственного Величия. Окажись сейчас на его месте Сюэ Динсян, он бы, даже сгорая от любопытства, и бровью не повел. Молча намотал бы на ус и впредь держался бы с наследным принцем Нином вдвое осторожнее».

\*\*\*

Вернувшись к себе, Нин Ли наконец с облегчением выдохнул. Он бережно извлек малого сокола с белыми лапами из широкого рукава и легонько щелкнул непослушную птицу по крохотной макушке:

— Кунжутная Паста, попробуй мне только еще раз сбежать!

Его внезапное появление заставило Сяо Цзи вздрогнуть от неожиданности.

— Молодой господин, когда вы успели вернуться? — удивленно вытаращился слуга. — Я ведь только что смотрел — и духу вашего здесь не было!

Нин Ли уходил тайком, никого не предупредив. Лингуан, верный своей привычке помалкивать, тоже не стал распространяться.

— Я ходил искать Кунжутную Пасту, — просто ответил юноша.

— Ох! Неужели этот негодник улетел? — засуетился Сяо Цзи. — Вы нашли его, молодой господин?

Впрочем, расспросы были излишни: слуга опустил глаза и увидел птицу, которая любопытно вертела головой, устроившись в ладонях хозяина.

Малый сокол с белыми лапами был на редкость забавным и смышленным, однако его привычка исчезать в самый неподходящий момент изрядно утомляла.

Сяо Цзи немного подумал и предложил:

— Молодой господин, почему бы не посадить его в клетку? Тогда он точно никуда не денется.

Нин Ли отрицательно покачал головой:

— Родина этих птиц — бескрайнее небо, они рождены для полета. Разве могу я запереть его под замок?

И всё же сегодняшнее происшествие послужило хорошим уроком. Ему определенно нужно

придумать какой-то способ отслеживать перемещения этого сорванца, иначе всякий раз придется метаться в поисках, точно слепому.

\*\*\*

Малый сокол высоко задирал клюв, выказывая полнейшее пренебрежение к бобам, гаолян и просу в своей кормушке.

Глядя на эту гордую позу, Нин Ли не удержался от смеха, вспомнив несколько виденных им по соседству косточек от унаби.

— Принеси каких-нибудь плодов, — велел он Сяо Цзи.

— Наследный принц проголодался? — тут же оживился слуга. — Желаете чего-нибудь еще?

Изначально Нин Ли собирался лишь покормить привередливого питомца, но после слов слуги и сам почувствовал легкий голод.

— Пожалуй... вели приготовить сладкого супа.

— А я думал, вы больше не жалуете сладкое, молодой господин.

Нин Ли улыбнулся:

— Попроси положить поменьше сахара. Если пересластить, вкус выйдет слишком приторным.

Вскоре юноша с удовольствием осушил пиалу с теплым супом из таро и ароматного османтуса, а малый сокол приговорил целое блюдо сочных зеленых унаби. Словно чувствуя вину за дневной побег, птица вела себя на редкость прилично и даже косточки выплевывала аккуратно в сторонку.

Утолив голод, человек и его верный сокол со спокойной душой улеглись спать.

\*\*\*

На следующий день снегопад прекратился, ветер утих, и небо прояснилось.

— Столько дней мело, и наконец-то выглянуло солнце! — с улыбкой проговорил Яо Гуанье. — Наследный принц, не желаете ли прогуляться?

Нин Ли и в метель не сиделось на месте, а уж теперь, когда погода разгулялась, оставаться взаперти было и вовсе преступлением.

Он бережно устроил малого сокола в просторном рукаве и вышел наружу.

Его нынешнее пристанище уступало размерами родовому поместью князя Нина в Шачжоу, но превосходило его изяществом цзяннаньской архитектуры. Слуги обмолвились, что сразу за сливовой рощей бьет горячий источник, берега которого выложены гладким камнем.

Суровой зимой нет ничего лучше горячей купальни. Поддавшись порыву, Нин Ли велел приготовить всё необходимое и вскоре с наслаждением погрузился в теплую воду.

Над источником поднимался легкий влажный пар, сквозь который виднелись заснеженные ветви мейхуа. Откуда-то издалека ветерок доносил едва уловимый аромат цветов.

Разнежившись в тепле, Нин Ли нехотя выбрался из воды и лишь тогда заметил, что соколка след простыл. Солнце уже клонилось к закату, а пернатый беглец так и не вернулся.

Юноша посмотрел вдаль. Малый сокол улетел как раз в сторону рощи, за высокую стену... туда, где располагались покои Пэй Синчжи.

Удивительное дело! С чего бы птице, которую он так заботливо выхаживал, раз за разом сбегать к соседу?

\*\*\*

Одевшись, Нин Ли направился к сливовой роще. Источник находился совсем близко, и на выложенной камнем тропинке царило глубокое безмолвие.

Приблизившись к ограде, он внезапно уловил тихий шорох по ту сторону стены. Сердце юноши затрепетало, и он негромко позвал:

— Синчжи?

За стеной на мгновение воцарилась тишина, а затем раздался знакомый, чуть хриловатый голос:

— Это я.

Действительно, Пэй Синчжи! Какая удивительная удача — снова встретить его здесь.

На душе у Нин Ли стало удивительно тепло, и на его лице сама собой расцвела улыбка:

— Ты не видел Кунжутную Пасту? Она ведь снова улетела к тебе?

Снова короткая пауза, после чего донесся спокойный ответ:

— Да, она здесь.

Нин Ли поднял глаза на темно-серую черепицу карниза, укрытую тяжелыми шапками снега, уходящую на ту сторону двора.

— Похоже, ты ей очень нравишься, — весело отозвался он.

Пэй Чжао перевел взгляд на устроившуюся на ветке птицу. Черно-белый комочек перьев забавно склонил голову набок, уставившись на него блестящими бусинками глаз. Император невольно усмехнулся.

Нравится?

Голос юноши звучал так мягко и сладко, а слова были столь простодушны, что Пэй Чжао не стал спорить.

\*\*\*

Из-за стены донесся негромкий кашель, а следом — чистый, прохладный голос Пэй Чжао:

— У меня есть к тебе одна скромная просьба. Надеюсь, ты не откажешь.

О, что же это могло быть?

Нин Ли так и сгорал от любопытства:

— Говори же! Всё, что в моих силах.

Снова воцарилось молчание. Пэй Чжао, казалось, медлил, подбирая нужные слова. Лишь спустя некоторое время он негромко произнес:

— Не мог бы ты подарить мне веточку белой сливы?

Словно оправдывая свою просьбу, он поспешно добавил:

— Я заметил, что цветы перевешивают через ограду.

Нин Ли закинул голову и действительно увидел, что пушистая ветвь белой мейхуа из его сада зазывно протянула свои побеги за пределы стены.

Юноша весело рассмеялся:

— Синчжи, так тебе, оказывается, нравятся белые цветы?

Пэй Чжао промолчал. Обыкновенно никто не осмеливался называть его по имени, а уж тем более столь коротко — «Синчжи». Но исправлять юношу и требовать соблюдения придворного этикета сейчас казалось излишне напыщенным. В конце концов он лишь неопределенно отозвался:

— Да.

— Тогда подожди немного! — крикнул Нин Ли.

Он огляделся по сторонам. Вокруг расстиралось ослепительно белое море цветов, чистых, точно первый снег. Юноша замялся на мгновение, а затем спросил:

— Синчжи, а какие тебе больше по душе — те, что уже распустились, или те, что еще в бутонах?

Будь на то его воля, он бы без раздумий отломил самую пышную ветвь с раскрывшимися чашечками. Но господин Яо всегда твердил, что в искусстве составления букетов ценится совсем иное. Вспомнив, что подаренная ему алая мейхуа была усыпана лишь нежными бутонами, Нин Ли решил сначала спросить совета.

Из-за стены донеслось:

— В бутонах.

Нин Ли довольно заулыбался. Каков он провидец! Как хорошо, что догадался спросить.

\*\*\*

Отыскав подходящую ветвь, он с радостью ее срезал. Из-за стены не доносилось шагов — Пэй Чжао стоял неподвижно, его дыхание было ровным и спокойным. Было очевидно, что он

терпеливо ждал.

— Ты всё еще здесь? — спросил Нин Ли.

Пэй Чжао инстинктивно кивнул, но, спохватившись, что собеседник его не видит, ответил:

— Да, я жду.

Ветвь была срезана, но тут возникла новая сложность: как ее передать? Если обходить усадьбу кругом, придется долго плутать по извилистым садовым дорожкам, а на это уйдет уйма времени.

Юноша с сомнением посмотрел на укрытую снегом стену и изящный изгиб крыши. Подумав, что Синчжи вряд ли окажется занудным ревнителем правил, он робко предложил:

— А можно... я воспользуюсь короткой дорогой?

\*\*\*

Вся загородная усадьба перед его приездом была тщательно отремонтирована, и Пэй Чжао никак не мог припомнить, чтобы между двумя дворами существовал какой-то потайной проход.

Неужели строители что-то упустили из виду?

Если так, то его слуги проявили непростительную халатность.

Задумавшись об этом, Пэй Чжао ответил:

— Разумеется, можно.

Не успел его голос затихнуть, как снег на вершине ограды дрогнул. Белые хлопья закружились в воздухе, и прямо на заснеженную землю легко и изящно спрыгнул гибкий силуэт.

Юноша вскинул голову, прижимая к груди целую охапку белоснежных цветов.

— Вот, это всё тебе!

Алые цветы мейхуа, пылавшие в саду, поблекли рядом с его сияющей улыбкой и задорными ямочками на щеках. Этот прекрасный, словно выточенный из тончайшего нефрита юноша держал в руках охапку белизны, превосходившей своей чистотой сам зимний снег.

\*\*\*

Ну и какая же короткая дорога могла быть между двумя закрытыми дворами?

Разумеется, проще и быстрее всего было просто перемахнуть через стену.

Конечно, Нин Ли понимал, что подобное поведение едва ли укладывается в рамки приличий. Но дело уже было сделано. Юноша надеялся, что Пэй Синчжи не станет судить его строго, однако тот лишь молча смотрел на него, не проронив ни звука.

Нин Ли невольно занервничал.

— Если идти в обход через ворота, дорога слишком долгая, — принялся торопливо объяснять он вполголоса. — А я знал, что ты стоишь прямо здесь... Вот и решил перелезть.

Наконец Пэй Чжао заговорил. В его голосе не было и капли упрека — лишь удивительная, окутывающая теплом мягкость:

— На улице стужа, кругом скользкий лед. Что, если бы ты оступился и упал?

Нин Ли никак не ожидал услышать подобные слова. Он весело рассмеялся, и его взгляд светился искренней, бьющей через край радостью жизни:

— Раз уж я решился на это, то точно бы не упал! Главное, чтобы ты на меня не сердился.

Он прижимал к себе поистине огромную охапку белой мейхуа. Пэй Чжао никак не ожидал, что юноша срежет так много.

Поняв, что его порыв выглядит со стороны немного странно, Нин Ли смущенно качнул головой:

— Я просто испугался, что выберу не те ветви, которые тебе понравятся, вот и срезал побольше... Синчжи, выбери сам те, что приглянутся.

Пэй Чжао мягко, едва заметно улыбнулся:

— Пустое. Мне нравятся все.

<http://bllate.org/book/20087/2001848>